

13 UKP 1971

ПОЧЕМУ Якуб Масихаев стал танцором? Очевидно, народное искусство находит таких вот энтузиастов, способных перенять мастерство у стариков и продолжить его по-своему.

Сколько помнит себя Якуб, его любимым делом был танец. Со звоном он не входил, а в танце бывал в класс, играя руками, подпевая себе «бак... бак... умбака...». Так делали народные мастера танца на свадьбах и в чайханах. Самое яркое впечатление детства — поездка в Москву, на всесоюзный пионерский слет. Готовил ребят к выступлению известный танцор Али Ардобус Ибрагимов. Он же направил двенадцатилетнего Якуба в хореографическую студию. Но профессиональной школы мальчик так и не получил. Семья отвергла сына, избравшего «шайтану в угоду посланное» занятие. Поскитавшись по театрам, замороженный выступлениями Юсупа-кызылка и Тамары Ханум, мальчик возвращается в Фергану.

Артистом он все же стал. Не потому, что нашел силы пойти против семьи. Просто не мог не идти, когда директор театра Сулейман Касымов взял его за руку и повел на сцену. Потом показал маленькую комнату. Сказал: «Здесь будешь жить. Плак будешь мой получать».

Шел сорок второй год... Искусство не исчезло за тяготами войны. В Ташкенте, вернувшись из гастролей по передовой, в одном из первых национальных балетов репетировала Галия Измайлова — первая классическая балерина республики. В период, когда зарождался национальный балет и в народный танец уже проникала классическая традиция, Якуб Масихаев вошел в театр, увы, танцором-самоучкой.

Узбекская народная традиция сохранила сборок семь усулей (движений, фигур). Они были знакомы Масихаеву. А вот арабский, индийский и другие восточные танцы приходилось воспринимать на зрение, на слух, когда приезжали столичные ансамбли. Энтузиазм все же брал свое.

Однажды его попросили помочь

организовать танцевальный ансамбль в Куваесе, в детдоме. С чего начать? Вопрос не из простых для танцора с трехлетним стажем работы. И снова, как в детстве, аккомпанируя себе «бак... бак... умбака...», Якуб пошел перед ребятами в лещах, плавно шаге «дилдир», выводя мелодии движениями кистей и уловимыми поворотами корпуса. Кто может так? Все могут! Его исполнение заражало: удивительная легкость, стремительность и радост-

бле «Лязги» солирует Света Попова. Помнит балетмейстер ее тонкие, выразительные пальцы, худенькие руки, дрожащие от усталости и напряжения. В послевоенные годы девочке приходилось совмещать школу, работу и любовь к танцам.

Он не думал о другом признании, кроме признания успехов учениц. Он продолжал занятия с юными и профессиональными танцорами. Школы не всегда имеют возможность заплатить руководителю круж-

как Измайлова, как в большом балете. Это свойство молодости — дерзость, мечта, стремление к творчеству.

Как раз в театре появился новый балетмейстер, и Хосият и другие молодые танцовщицы заметно оживились. По-новому зазвучал спектакль «Гуль ва Навруз». Но молодого постановщика не удовлетворили условия областного театра, она ушла. А в душе старого балетмейстера, судьба которого была вот так всю жизнь оставаться в одном коллективе, кто бы и на какое время ни залетал сюда из столицы, появилось беспокойство. Он увидел здесь же, на ферганской сцене, танцы не совсем обычные. Они были строже, сложнее народных. И занятия молодой балетмейстер проводила по-особому. Потребовала балетный класс. Занятия назывались иначе: экзерсисы, тренажи. Он тридцать лет обходился без этого. Зрители любили его, и эта мысль и сейчас успокаивала. А сомнение поселилось в душе и уже не проходило.

Конечно, сначала стыдно было сесть за парту с мальчишками. Но он понял: сейчас без этого нельзя. Его, привыкшего считать себя необходимым театру, испугала сама мысль стать лишним. Лишним! Три года вечерней школы одолевал с упорством, даже упрямством. Затем — культпросветучилище. Надо для госэкзамена играть на рубабе — поступил в музыкальную школу.

На первый взгляд, ничего необычного. Понял человек, что драмоты недостает, засел за учебники. А все ли на его месте смогли бы сделать такой резкий поворот? В том же театре разве мало работников, которые не заметили, что прежним багажом уже не проживешь? У многих ли хватает мужества понять, что театр должен соответствовать самым высоким запросам дня?

В жизни балетмейстера Якуба Масихаева — одного из основателей ферганского музыкального театра — трудный момент. Человек приступом берет науку, возвращается к которой ему пришлось через тридцать лет.

Г. ТАТАРИНОВА.

ТРУДНЫЙ МОМЕНТ

ОЧЕРК

ная улыбка. «А теперь вот так», — Якуб сделал поворот, ударил в ладоши, поднял руки в величественном жесте «шох».

Так Якуб Масихаев стал «дядей Яшей», любимцем детворы в школах, детских домах, интернатах. Может, произошло это оттого, что хотел он облегчить путь ребятам к сцене, так нелегко сложившийся у него самого? Или оттого, что душа его была щедрой? А может быть, это было инстинктом неслучившегося педагога, врожденной способностью? Так началась биография Я. Масихаева — балетмейстера.

Первые ученицы. В их неловкости и робком изяществе жестов он угадывал рисунки танца, угадывал будущую королеву «Чарха» или ферганского «Резь». Это была борьба за таланты. Как забыть историю с хрупкой девушкой Хурсаной? Ее брат не однажды грозил Якубу расправой за то, что сманивает он девочку в артистки. Сейчас Хурсаной Рахманова — актриса ферганской драмы (перед этим много лет была танцовщицей). В ташкентском ансам-

ка. А с Масихаевым просто. Директора ферганских школ по сей день знают: Якуб Юнусович никогда не откажет, позвонишь в театр, глядишь — этот обязательный человек уже здесь. С подобными людьми мы как-то забываем, что не все такие, что в другом случае получаем отказ...

А театр, конечно, не стоял на месте. Вернулись после хореографического ученицы. Хосият Хатамова, с которой он часто танцевал в паре, вдруг стала упорно настаивать на четкости каждого штриха в кокетливом, неуловимом движении «ожилвони». Якуб Масихаев добивался лишь законченности усулей в целом, оттенки рождались в самом танце, стихийно.

Как-то Хосият решила воспроизвести индийский танец, увиденный в «Бахоре». «У тебя балет выходит, а не народный танец», — заметил учитель. Но артистке нужно было именно это. Здесь была та усложненность, классическая филигранность каждого па, которые она узнала в училище. Когда пришла в театр, ей хотелось расти, хотелось танцевать,